

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-89-96

УДК 303.425.2
(470.345)

Содержание статьи

Информация о статье

R. R. Агисhev¹

Введение
Материалы и методы
Результаты исследования
Выводы

Поступила в редакцию: 06.06.2025
Передана на рецензию: 10.06.2025
Получена рецензия: 30.06.2025
Принята в номер: 28.11.2025

Делать пять раз в день намаз – тяжело и нет времени: пределы религиозности номинальных мусульман

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; agishev2019@gmail.com

Аннотация. Эпоха постмодерна – эпоха абсолютного морального релятивизма и этики потребительского индивидуализма – время активного развития феномена формальной религиозности. Предметом статьи выступает сообщество номинальных («этнических») мусульман и особенности их религиозных практик. Исследование основано на данных двух глубинных интервью ($n = 20$), проведенных сотрудниками Научного центра социально-экономического мониторинга и автором в 2024–2025 гг. Опрашивались жители Республики Мордовия (татары, узбеки, таджики, азербайджанцы), причисляющие себя к мусульманской традиции, но не являющиеся практикующими мусульманами. Номинальные мусульмане как правило, этнические мусульмане; принадлежность к исламу для них есть следование этнической традиции, а не осознанный глубинный выбор. Вера номинальных мусульман – это вера с «условиями», когда исполняются лишь условно «легкие» ритуалы. Номинальный мусульманин осознает обязательность выполнения религиозных правил, но не готов жертвовать ради них психологическим и физическим комфортом.

Ключевые слова: номинальные мусульмане, религиозность, идентичность, религиозные практики.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-89-96

УДК 303.425.2
(470.345)

Content of the article

Information about the article

R. R. Agishev²

Introduction.
Materials and methods.
Research results.
Conclusion.

Received: 06.06.2025
Submitted for review: 10.06.2025
Review received: 30.06.2025
Accepted for publication: 28.11.2025

¹ Агисhev Руслан Ряфатевич – ведущий научный сотрудник, Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга».

² Agishev Ruslan Ryafatevich – leading researcher, state-owned institution of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”.

To Pray Five Times a Day Is Hard and There Is No Time: the Limits of Religiosity of Nominal Muslims

State-owned institution of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”; agishev2019@gmail.com

Abstract. The postmodern era – the era of absolute moral relativism and the ethics of consumer individualism – is a time of active development of the phenomenon of formal religiosity. The subject of the article is the community of nominal (“ethnic”) Muslims and the specifics of their religious practices. The study is based on the data from two in-depth interviews ($n = 20$) conducted by the staff of the Research Center for Socio-Economic Monitoring and the author in 2024–2025. Residents of the Republic of Mordovia (Tatars, Uzbeks, Tajiks, and Azerbaijanis) who identify themselves as part of the Muslim tradition but are not practicing Muslims were interviewed. Nominal Muslims are usually ethnic Muslims; for them, belonging to Islam means following their ethnic tradition, rather than a conscious choice. The faith of nominal Muslims is a faith with “conditions”, when only “easy” rituals are performed. The nominal Muslim is aware of the obligation to follow religious rules, but is not ready to sacrifice his/her psychological or bodily comfort to perform the rituals.

Keywords: nominal Muslims, religiosity, identity, religious practices.

Введение

Наступление эпохи постмодерна ознаменовало собой переход к миру постправды и новой этики, где главенствуют моральный релятивизм, массовая культура и хаос индивидуализма. Понятие ценностного приоритета в аксиологии постмодерна «отвергается, в ней нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое» [1, с. 10]. Под влиянием постмодернистских процессов растет популярность идей «плюрализма» религиозной жизни, «диверсификации» религии, «обновления», самостоятельного «спасения души» [2]. Феномен номинальных мусульман, то есть людей, причисляющих себя к исламской духовной традиции, но не исполняющих или исполняющих не в полной мере обязательные мусульманские ритуалы и обряды, в определенной степени есть порождение эпохи постмодерна, где духовность объявляется свободным поиском истины, открытостью опыта, не ограниченному никакими внешними авторитетами и догмами [8]. Изучение новой религиозной «нормальности» (вера без «строгих» обязательств), особенно в рамках полигетнических этнокультурных пространств, представляется важной задачей, что уже отмечалось в региональном исследовательском сообществе [7].

Обращаясь к феномену номинальных мусульман, исследователи поднимают целый спектр взаимообусловленных вопросов: их идентификация (в частности, операционализация термина с академической точки зрения), региональная специфика практикования ислама (а значит, формирование локальных паттернов следования исламу – чеченский, дагестанский, татарский и др.) и мусульманская идентичность.

Определение мусульман в качестве номинальных в исследовательской традиции, как правило, обусловливается природой их самоотнесения к исламу (этнической, семейно-родственной или любой другой социальной идентификацией), или соответствующим морально-этическим выбором [10]. Нередко в определении присутствует оценка степени религиозности: «они являются носителями упрощенной формы религии, ошибочно идентифицируя ее с исламом классическим» [6, с. 75].

Заслуживает внимания определение номинального мусульманина в рамках такого западноевропейского конструкта, как «культурный ислам», одна из возможных стратегий последовательной аккультурации миграционных сообществ в принимающем обществе. Номинальные или «секуляризирующиеся» мусульмане – это «светские (нерелигиозные)

люди, которые, имея мусульманское происхождение и живя в немусульманской стране, все еще отождествляют себя с мусульманской культурой или религией» [4, с. 144].

Критерием идентификации номинальных мусульман выступает характер (содержание и частота) исполняемых религиозных практик, определяющих пределы религиозности, то есть готовность практиковать одни и неготовность практиковать другие ритуалы. В соответствии с характером выполнения религиозных практик в условиях немусульманского окружения выделяются интегрированные мусульмане (считают себя мусульманами по рождению, но религиозные ритуалы не соблюдают) иrudиментарные мусульмане (интегрированные в инокультурную среду, но соблюдающие некоторые религиозные практики по своему выбору) [9]. В западноевропейской исследовательской традиции к рассматриваемой категории причисляются отколовшиеся от строгой исламской практики в пользу безусловной интеграции в немусульманский общественный мейнстрим и адаптирующиеся к местным условиям, но не готовые отказаться от исполнения пяти столпов веры [11].

Объектом исследования в рамках настоящей статьи выступают мусульмане, не придерживающиеся или придерживающиеся не в полной мере обязательных религиозных правил. В исследовательском сообществе для их определения используются разные термины: номинальные, этнические, культурные, «обыкновенные», «рудиментарные», традиционные, не практикующие и др. Цель работы – определить границы (пределы) религиозности номинальных мусульман, то есть оценить их готовность выполнять предписанные религиозным каноном ритуалы. Задачи исследования: описание портрета номинальных мусульман, определение диапазона социально приемлемых для номинального мусульманина религиозных практик, выделение допустимых и не допустимых к практикованию ритуалов, анализ причин неисполнения ритуалов. Религиозные практики, о выполнении которых задавался вопрос информантам, включали в себя широкий спектр религиозных ритуалов, обрядов и действий предписывающего или запретительного характера (совершение намаза, пост, милостыня, паломничество, употребление халильных продуктов питания, отказ от алкоголя и др.).

Материалы и методы

Статья основана на полевых материалах двух исследований – глубинного интервью «Социальное самочувствие таджикской диаспоры и иностранных граждан из числа представителей таджикской национальности, проживающих в Республике Мордовия», проведенного сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2025 г. (n=10), и глубинного интервью «Клерикальные установки „несоблюдающих“ мусульман Республики Мордовия», проведенного автором в 2025 г. (n=10). В числе 20 информантов выступили 10 таджиков (8 мужчин, 2 женщины), шесть татар (3 мужчины, 3 женщины), 2 азербайджанца и 2 узбека. В выборку глубинных интервью вошли представители народов, преимущественно исповедующих ислам и постоянно проживающих в Мордовии. В соответствии с переписью 2021 г. в Республике Мордовия из народов, преимущественно исповедующих ислам, проживают 39 855 татар, 1 544 таджика, 1 038 узбеков и 627 азербайджанцев³.

Выбор региона (Республика Мордовия), на материалах которого проводилось исследование, обусловлен следующим. Республика Мордовия, как другие полигетнические регионы, выступает «месторазвитием» разнообразных этносов, культур, религий, что выражается в «особом, исторически сложившемся смешении разнородных духовных, религиозных, этнокультурных бытовых традиций, устоев и укладов» [3, с. 14]. На протяжении длительного времени в рамках двух миров – православного и мусульманского

³ Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками (по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г.). – URL: <https://clk.li/YJum>

— здесь взаимодействуют русские, мордва, татары, узбекская, таджикская, украинская и азербайджанские диаспоры. Совместное проживание представителей разных религий в рамках поликультурной среды снижает выраженность клерикальных установок и повышает долю номинально верующих, что порождает своеобразие исполнения религиозных обрядов.

Результаты исследования

Идентификация. Говоря о конфессиональной самоидентификации информантов, заметим, что все они причисляют себя к мусульманам. Отождествление с мусульманской религиозной традицией выступает частью их этнической идентификации, что можно проиллюстрировать следующей формулой: «если ты таджик (татарин, азербайджанец, узбек) — значит, ты мусульманин». Информанты отмечают: «Конечно, я мусульманка, я же татарка по национальности. Мои бабушки с дедушкой, папа с мамой татары, все ходили в мечеть» (женщина, 38 лет); «У нас в Таджикистане все мусульмане, независимо от того, где ты живешь — в большом городе или в маленьком горном кишлаке» (Ахмет, 53 года); «Узбеки всегда в Бога верили. Даже в советское время у нас были муллы, мечети. В детстве меня часто в зиярат брали, там всегда было много людей» (мужчина, 61 год).

У незначительной части информантов религиозная идентичность доминирует, а этническая самоидентификация либо игнорируется, либо принижается: «Перед лицом Всевышнего, мы все здесь [в мечети] мусульмане: таджики, узбеки, татары» (Ислам, 39 лет); «Почему татарин? Я мусульманин! Сначала я мусульманин, верю во Всевышнего, а потом уже татарин. Татары тоже ведь разные бывают» (мужчина, 21 год); «Здесь [в с. Лямбир] хорошая крепкая община, правильные мусульмане, как дома. Никто на нас косо не смотрел, ни одного плохого слова не сказали» (мужчина, 41 год).

Религиозная грамотность. Отвечая на вопрос о принадлежности к одному из направлений в исламе (суннизму, шиизму, исмаилизму и др.), информанты, как правило, отмечали, что недостаточно хорошо разбираются в религиозных тонкостях: «Я не очень хорошо эти вещи знаю. Наверное, [отношусь] к суннитам. Кажется, да, к суннитам. Я могу спросить у отца» (женщина, 29 лет); «Я точно не знаю. Кажется, я суннит» (мужчина, 45 лет); «Я не очень понимаю в этом. Я просто мусульманка» (Мадина, 26 лет); «Я суннит. Хотя, если меня спросите, в чем отличие суннита от шиита, я не скажу» (мужчина, 53 года); «Когда меня спрашивают, кто я по вере, я сразу отвечаю, что мусульманин. Но тонкости мне совсем не знакомы. Думаю, это не так важно, главное быть верующим» (мужчина, 32 года).

Внешние показатели религиозности. В рамках глубинного интервью изучалось отношение информантов к поведенческим показателям принадлежности к мусульманскому сообществу — внешнему облику, стилю и манеру одеваться. Абсолютное большинство информантов представляет свою исламскую идентичность посредством одежды, практик телесных модификаций (борода, тату, и др.) и украшений, в то же время, не вкладывая в эти практики глубинного религиозного смысла, и часто обуславливая их традицией или данью моде: «Мусульманин — это лев, а где ты видел льва без гривы? Бородой я показываю, что я настоящий мусульманин. У нас всегда татары носили такие бороды, сколько себя помню» (мужчина, 28 лет); «У меня печатка из серебра, и цепочка тоже из серебра. Мужчины не должны носить украшения из золота, это можно только женщинам» (мужчина, 54 года); «Я слышал, что мусульманам нельзя носить усы, а бороду можно. Только у меня борода плохо растет — комками, неровная, некрасиво получается. Поэтому я отращиваю трехдневную щетину. С ней совсем другой вид» (мужчина, 22 года); «Я в учреждении работаю, постоянно с людьми общаюсь, и мне хиджаб никак нельзя носить. Но я стараюсь носить красивую свободную одежду, чтобы было закрыто все тело» (женщина, 38 лет). В других исследованиях образа жизни современных мусульман России также отмечается, что предпочтение одежды и практик телесных модификаций, отвечающих канонам ислама,

нередко представляет собой реинтерпретацию ценностей под воздействием фактора моды [5].

Существенно меньшая часть информантов, напротив, подчеркивает религиозную составляющую их внешнего облика, одежды, оперируя примерами из жизни пророка Мухаммада: «Я ношу бороду, потому что ее носил наш Пророк. **Борода должна быть такой длины, чтобы хотя бы поместилась в мужском кулаке**» (мужчина, 39 лет); «Борода – это Сунна, разрешено и приветствуется» (мужчина, 21 год).

Исполняемые и неисполнимые практики. Анализ результатов глубинных интервью показывает, что информанты, как правило, готовы исполнять или исполняют следующие практики религиозного характера: практикование закята (подаяние), добровольная помощь другим верующим, посещение мечети по крупным религиозным праздникам, отказ от употребления нехалильской пищи, участие в похоронно-погребальных ритуалах. Ритуалы и действия, которые информанты не готовы исполнять, включают в себя практикование намаза, держание поста, совершение хаджа.

Неисполнение практик религиозного характера объясняется, как правило, отсутствием времени и спецификой работы: «Я пока не готова делать намаз, да и на работе нет такой возможности. Не так будут смотреть» (женщина, 38 лет); «Совсем нет времени. Учусь в вузе, целыми днями занятия, но я в пятницу обязательно хожу в мечеть» (мужчина, 22 года); «К сожалению, ходить в мечеть удается очень редко из-за плотного рабочего графика. Даже в пятницу не всегда удается выбраться» (мужчина, 32 года); «Намаз делать не всегда получается. Работаю каждый день, иначе клиенты уйдут» (мужчина, 45 лет); «Часто ходить в мечеть времени не хватает, да и не очень хочется. Иногда молюсь дома, но очень редко» (мужчина, 28 лет); «Не всегда получается из-за работы [делать намаз]. Я обязательно молюсь утром и вечером. Днем как получится – иногда получается, иногда не получается» (Ахмет, 31 год); «Редко, времени нет [делать намаз]. Но, когда время есть, обязательно делаю» (мужчина, 37 лет).

Отвечая на вопрос о готовности держать пост, информанты отмечали его тяжесть для организма: «Никак не получается. Я ведь не только учусь, но и подрабатываю – такую. Если днем нормально не поем, то к вечеру совсем бываю без сил» (мужчина, 22 года); «У меня гастрит нашли, и врач запретил поститься. Сказал, что тогда, вообще, желудок испорчу. Фарид-хазрат в мечети посоветовал тогда не поститься, а отказаться от чего-нибудь вкусного, чтобы показать мое усердие в вере» (мужчина, 54 года); «Держать пост очень сложно. Это хорошо тем, кто нигде не работает. Они могут целый день дома сидеть и ничего не делать. А если работаешь, то запросто в обморок грохнешься» (мужчина, 21 год).

Отдельно в интервью звучала тема паломничества, которое в большинстве случаев определялось как желанная, но труднодостижимая цель. Лишь один информант отметил, что совершил хадж. Остальные указали на недостаток финансовых средств как основную причину недоступности выезда: «Очень дорого [совершить хадж]. Я ведь еще учусь» (мужчина, 22 года); «Нет не совершил, но коплю деньги. Хочу с женой поехать. Дорого очень получается» (мужчина, 31 год). В 2024 г. средняя стоимость хаджа для паломников из Республики Мордовия составила около 500 000 руб.⁴

Абсолютное большинство информантов старается соблюдать религиозные запреты на употребление алкоголя, нехалильской пищи: «Если про вино, то я никогда не пил... Когда люди пьют, совсем плохие становятся» (Рашид, 41 год); «Свинину не ем. Даже не пробовал. Я, когда на первом курсе жил в одной комнате с русским однокурсником, то специально пользовался только своей посудой» (мужчина, 28 лет); «В семье мы все соблюдаем [запрет на употребление свинины, алкоголя]» (женщина, 29 лет); «Водку я не пью. Раньше в Москве

⁴ В духовном управлении мусульман Республики Мордовия подвели итоги хаджа. – URL: <https://islam-rm.com/fullnew.php?id=1377>

было, но сейчас нет. Считаю, что от нее становишься дурным, и себе только хуже делаешь» (мужчина, 45 лет); «Не пью. От водки никакой пользы нет. Только плохо становится и деньги тратятся» (мужчина, 37 лет). Заметим, что только в единичных случаях информанты подчеркивают не бытовую, а религиозную составляющую запретов: «Пророк Мухаммад говорил, что нельзя пить дурманящие разум напитки» (мужчина, 49 лет); «Пророк Мухаммад сказал, что вино лишает человека разума» (мужчина, 41 год).

Самой распространенной практикой религиозного характера, которую с готовностью исполняют информанты, является участие в праздновании религиозных праздников (Курбан Байрам и Ураза Байрам). К обязательным составляющим праздников относятся праздничное застолье и принятие гостей: «Все праздники собираемся семьей дома. Готовим праздничную еду, кушаем, разговариваем» (мужчина, 32 года); «Всегда встречаемся, к нам знакомые и друзья приходят, кушаем. Потом мы к ним ходим» (женщина, 29 лет); «В такие дни у нас можно прийти к любому и тебе будут рады, пригласят за праздничный стол, досыта накормят» (мужчина, 45 лет); «В эти дни собираемся со своими друзьями, родными за накрытым столом. Бывает дарим друг другу подарки» (мужчина, 37 лет).

Распространена практика добровольных пожертвований, нередко принимающих довольно оригинальные формы: «Я никогда не кладу деньги в ящик для пожертвований. Кто знает, куда идут эти деньги? Я выбрала одну одинокую бабушку в своем подъезде, и каждую пятницу приношу ей продукты, разговариваю с ней, помогаю разбираться с бытовыми вопросами» (женщина, 38 лет); «У нас все очень хорошо устроено, по-современному. Мы сделали в Вотсапе канал, где регулярно объявляются сборы на что-то или кому-то. Недавно собирали семье погорельцев, почти восемьсот тысяч рублей за пару дней собрали» (мужчина, 22 года); «На праздники мы в семье собираем несколько сумок с продуктами, куда кладем колбасу, сыр, чай, крупы, сахар. Потом разносим нашим соседям в селе, которые плохо живут. Наиль-хазрат говорит, что нужно помогать тем, кто рядом» (мужчина, 21 год); «Помогать людям – это богоугодное дело. Меня часто зовут, когда нужно что-то сделать для мечети... Еще я взял на содержание сестру и ее сына, от которой ушел муж. Покупаю племяннику одежду, то, что нужно для учебы. Помогать своим – это очень правильное, нужное дело. Это обязательно зачтется на небесах» (мужчина, 49 лет).

Выводы

Этническая самоидентификация во многом определяет религиозность информантов – номинальных мусульман. Принадлежность к исламу в указанном контексте есть результат следования этническим традициям – «я татарин (узбек, чеченец), значит, я мусульманин», а не осознанного выбора. Последнее во многом определяет проблемы в религиозном знании и упрощенные (житейские) представления о религии, обрядах.

Вера номинальных мусульман – это ислам с «условиями», где готовность выполнения религиозных ритуалов ставится в зависимость от разнообразных условий (наличия свободного времени, подходящих условий на рабочем месте, мнения окружающих). Номинальный мусульманин осознает обязательность выполнения религиозных правил, но не готов жертвовать ради них психологическим и физическим комфортом. Из всего перечня ритуалов отбираются к исполнению лишь те, которые соответствуют его ритму жизни и существенным образом не нарушают сложившийся порядок вещей. Это празднование религиозных праздников, оказание помощи (прежде всего, материальной) нуждающимся, соблюдение пищевых запретов.

Главное для номинального мусульманина – формальная принадлежность к мусульманскому сообществу, что активно демонстрируется внешними действиями: стилем одежды, украшениями религиозного характера, растительностью на лице, телесными модификациями (религиозными татуировками) и др. Об этом же свидетельствует частое указание на общность интересов с группой – «мы, свои, наша община, вместе».

Формальность, демонстративная религиозность без глубокого погружения в основы религии, неготовность выполнения «тяжелых» запретительных правил есть следствие эпохи постмодерна, размытости ценностных ориентиров.

Литература

1. Волков, В. Н. Постмодернистская этика и эстетика: отказ от ценностно-нормативного / В. Н. Волков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 3. – С. 9–34.
2. Голик, Н. В. Постмодерн. Религия. Онтология / Н. В. Голик, А. Г. Щелкин // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, № 4–2. – С. 31–42.
3. Гудкова, И. Н. Культурное пространство полигетнического региона (на материале Республики Бурятия) / И. Н. Гудкова // Культура и цивилизация. 2014. № 4. – С. 10–18.
4. Дианина, С. Ю. «Культурный ислам» в пространстве Северной Европы / С. Ю. Дианина, М. А. Халиль, В. С. Глаголев // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. – С. 142–160.
5. Калина, Н. М. Мода как способ репрезентации ценностей мусульманской семьи / Н. М. Калина, К. Е. Усова // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. – С. 222–226.
6. Касимов, Р. Н. К вопросу о специфике изучения отдельных аспектов исламской культуры в курсе ОРКСЭ и ОДНКНР (на примере Удмуртской Республики) / Р. Н. Касимов // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2019. № 2 (7). – С. 74–79.
7. Козин, В. В. Религиозная ситуация в Республике Мордовия: монография / В. В. Козин, И. М. Фадеева. – Саранск, 2022. – 124 с.
8. Матецкая, А. В. Постмодерн и религия / А. В. Матецкая // Грамота. 2017. № 12 (86). – С. 125–128.
9. Рязанова, Э. Ф. Особенности религиозных практик этнических мусульман в современной Германии / Э. Ф. Рязанова // Известия УФИЦ РАН. Сер.: Филология. История. Культура. 2024. Т. 1, № 2. – С. 205–212.
10. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ интеракции и динамики / под ред. А. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.
11. Яшлавский, А. Европейские мусульмане: непростые вопросы идентичности / А. Яшлавский // Международная жизнь. 2017. № 6. – С. 173–190.

References

1. Volkov V. N. Postmodern ethics and aesthetics: Rejection of the value-normativ. *Context and reflection: philosophy about the world and ma*. 2014, no. 3. – Pp. 9–34 (In Russian).
2. Golik N. V., Shchelkin A. G. Postmodern. Religia. Ontology. *Vestnik russkoj hristianskoj humanitarnoj akademii*. 2021. Vol. 22, no. 4–2. – Pp. 31–42 (In Russian).
3. Gudkova I. N. The cultural space of a multiethnic region (based on the material of the Republic of Buryatia). *Culture and Civilization*. 2014, no. 4. – Pp. 10–18 (In Russian).
4. Dianina S. Yu., Halil' M. A., Glagolev V. S. «Cultural Islam» in the space of Northern Europe. *Baltic Region*. 2019. Vol. 11, no. 3. – Pp. 142–160 (In Russian).
5. Kalina N. M., Usova K. E. Fashion as a way of representing the values of the Muslim family. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2018, no. 4. Pp. 222–226 (In Russian).
6. Kasimov R. N. On the issue of the specifics of studying certain aspects of Islamic culture in the course of the ORKSE and the ODNKNR (on the example of the Udmurt Republic). *Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region*. 2019, no. 2 (7). – Pp. 74–79 (In Russian).
7. Kozin V. V., Fadeeva I. M. *Religious Situation in the Republic of Mordovia: Monograph*. Saransk, 2022. – 124 p.

8. Mateckaya A. V. Postmodernity and religion. *Literacy*. 2017, no. 12 (86). Pp.125–128 (In Russian).
9. Ryazanova E. F. Features of religious practices of ethnic Muslims in modern Germany. *Izvestiya UFITS RAS. Series: Philology. History. Culture.* 2024. Vol. 1, no. 2. – Pp. 205–212 (In Russian).
10. *Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics*. Transl. A. Gofmana. Moscow. ROSPEN, 2008. – 543 p. (In Russian).
11. Yashlavskij A. European Muslims: difficult issues of identity. *International life*. 2017, no. 6. – Pp. 173–190 (In Russian).